

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.111> EDN: GHOPQE**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ОТ ДОКТРИНАЛЬНОГО МИФА К ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Научная статья

Седакова А.С.^{1,*}¹ Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (sedakova.sasha[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье обосновывается тезис о том, что так называемая стадия исполнения приговора не соответствует классическим признакам стадии уголовного процесса и в свою очередь представляет собой совокупность самостоятельных судебных процедур с усечённой стадийностью. Анализируются существующие доктринальные подходы, в том числе позиция В.В. Николюка о «правовом фантоме» конструкции «приведение приговора в исполнение», отсутствие однородных целей и задач, постоянная смена участников и множественность автономных мини-производств. Предлагается методологическое переосмысление послеприговорной деятельности для чёткого разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования.

Ключевые слова: исполнение приговора, стадия уголовного процесса, судебные процедуры, Николюк В.В., усечённая стадийность, обращение приговора к исполнению.

RECONSIDERING THE SENTENCE ENFORCEMENT STAGE: FROM DOCTRINAL MYTH TO PROCEDURAL REALITY

Research article

Sedakova A.S.^{1,*}¹ Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation

* Corresponding author (sedakova.sasha[at]yandex.ru)

Abstract

This article substantiates the thesis that the so-called ‘enforcement of sentence’ stage does not correspond to the classical characteristics of a stage in criminal proceedings and, in turn, constitutes a set of independent judicial procedures with an inchoate sequence of stages. Existing doctrinal approaches are analysed, including V.V. Nikolyuk’s position on the ‘legal phantom’ nature of the concept of ‘enforcement of a sentence’, the absence of uniform aims and objectives, the constant change of participants, and the multiplicity of autonomous mini-proceedings. A methodological rethinking of post-conviction activities is suggested in order to clearly distinguish between criminal procedural and criminal enforcement regulation.

Keywords: execution of a sentence, stage of criminal proceedings, court procedures, V.V. Nikolyuk, inchoate stages, enforcement of a sentence.

Введение

Вопрос о системе стадий уголовного судопроизводства относится к числу фундаментальных в отечественной процессуальной науке. Именно стадийность традиционно рассматривается как конституирующий признак уголовного процесса, обеспечивающий последовательность, предсказуемость и внутреннюю логику судопроизводства. При этом большинство выделяемых в доктрине стадий не вызывает серьёзных теоретических разногласий — их границы, задачи и субъектный состав достаточно определённо закреплены в законе и устойчиво описаны в науке. Иначе обстоит дело с завершающим этапом уголовного процесса: постприговорная деятельность суда по сей день остаётся одним из наименее концептуально осмысленных его фрагментов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что расширение судебных полномочий на постприговорном этапе, усложнение нормативного регулирования и накопление разнородной судебной практики обнажают внутренние противоречия традиционной конструкции «стадии исполнения приговора». Методологическая неопределённость в данной сфере влечёт практически значимые последствия: размывание границ между уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным регулированием, неоднородность процессуальных гарантий участников отдельных постприговорных процедур, а также трудности в квалификации судебных актов, принимаемых на данном этапе, предопределяя необходимость переосмысления устоявшихся взглядов и выработки новых теоретических подходов к описанию постприговорной судебной деятельности.

Классическое понимание стадии уголовного процесса

В науке отечественного уголовно-процессуального права традиционно господствует мнение о том, что исполнение приговора представляет собой самостоятельную, заключительную стадию уголовного судопроизводства [3], [7], [10]. Однако развитие законодательства, расширение круга судебных полномочий на постприговорном этапе, а также фрагментация соответствующей судебной практики поставили под сомнение классическую модель стадии исполнения приговора как целостного, относительно однородного этапа процесса. Так называемая «стадия исполнения приговора» не отвечает классическим признакам стадии уголовного процесса и должна рассматриваться как совокупность

самостоятельных судебных процедур с усечённой стадийностью, объединённых лишь фактом вынесения и вступления в силу обвинительного или оправдательного приговора.

В доктрине под стадией уголовного процесса понимается относительно обособленная часть уголовного судопроизводства, характеризующаяся:

- 1) специфическими целями и задачами;
- 2) особым кругом субъектов;
- 3) установленной законом системой процессуальных действий и решений;
- 4) чётко определённым начальным юридическим фактом и итоговым процессуальным актом;
- 5) относительной устойчивостью состава участников [2], [11].

Этим признакам полностью соответствует большинство стадий уголовного судопроизводства. Так, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, подготовка к судебному заседанию, судебное разбирательство, апелляционное производство и кассационное производство демонстрируют устойчивость набора задач, повторяемость структуры (иницирующее решение, подготовка, рассмотрение, итоговый акт), а также стабильный набор процессуальных статусов основных участников (обвиняемый, защитник, потерпевший, прокурор, суд).

Преобладающая точка зрения в отношении «постприговорной» деятельности исходит из того, что исполнение приговора — это самостоятельная стадия уголовного процесса, в рамках которой суд обращает приговор к исполнению, контролирует деятельность органов, исполняющих наказание, и разрешает вопросы, возникающие при и после исполнения. В ряде работ подчёркивается процессуальный характер данных действий, их подчинённость целям реализации принципов неотвратимости наказания, индивидуализации ответственности и защиты прав потерпевшего и осуждённого [4], [9].

Вместе с тем часть авторов обращает внимание на то, что понятие «исполнение приговора» в нормативном и фактическом плане охватывает как строго процессуальную деятельность суда, так и внепроцессуальную, относящуюся к сфере уголовно-исполнительного права, что уже само по себе затрудняет восприятие исполнения приговора как единой и однородной стадии процесса. Полагаем, что для уголовно-процессуальной «постприговорной» деятельности характерно отсутствие классических признаков стадийности. Прежде всего, следует отметить, что в пределах так называемой стадии исполнения приговора объединяются разнохарактерные блоки задач:

- обращение приговора к исполнению и запуск механизма фактического исполнения наказания;
- судебный контроль за деятельностью органов исполнения наказаний;
- разрешение широкого круга последующих вопросов (изменение порядка и условий отбывания наказания, зачёт сроков, отсрочка, условно-досрочное освобождение и др.).

Каждый из этих блоков обладает собственной непосредственной целью, адресатом, объёмом и направлением судебного усмотрения, что существенно отличает их от классической моноцелевой направленности стадий (например, установление обстоятельств преступления и виновности на стадии судебного разбирательства).

Множественность судебных процедур и усечённая стадийность

Как известно, классическая стадия уголовного судопроизводства предполагает относительно замкнутый цикл действий: инициирующее решение, подготовительные действия, рассмотрение (расследование) по существу, итоговый акт. В рамках исполнения приговора подобный цикл так и не формируется. С момента вступления приговора в законную силу и до полного отбывания наказания суд многократно вступает в процесс, рассматривая разнородные и зачастую не связанные между собой по единой логике ходатайства и представления (о замене наказания, зачёте времени содержания под стражей, изменении категории преступления, досрочном снятии судимости и т. п.). Данные процедуры не образуют единой последовательности и не приводят к одному «общему итоговому» процессуальному решению, а представляют собой совокупность разновременных, автономных мини-производств.

Во всех классических стадиях ядро субъектного состава относительно стабильно (обвиняемый, защитник, потерпевший, прокурор, суд). В ходе исполнения приговора наблюдается постоянная смена субъектов как среди осуждённых, так и среди иных лиц, участвующих в рассмотрении отдельных вопросов. Так, в зависимости от конкретной процедуры участниками могут быть: осуждённый, его законный представитель, администрация исправительного учреждения, уголовно-исполнительная инспекция, орган опеки, представители потерпевшего, гражданские истцы и ответчики, компетентные органы других государств при исполнении приговора в международном порядке и др. Состав участников в каждом отдельном производстве определяется предметом рассматриваемого вопроса и фактической ситуацией, а не принадлежностью к некой устойчивой стадии, что указывает на процедурную, а не стадийную природу соответствующей деятельности.

В период после вступления приговора в законную силу и до полного прекращения правовых последствий осуждения реализуется целый комплекс самостоятельных судебных процедур, для каждой из которых характерны собственные основания возбуждения, круг заявителей, объём судебного усмотрения и содержание итогового судебного акта. К числу таких процедур относятся:

- обращение приговора к исполнению;
- отмена или изменение меры пресечения после вступления приговора в силу;
- разрешение вопросов, связанных с зачетом сроков;
- отсрочка исполнения наказания;
- условно-досрочное освобождение;
- замена неотбытой части наказания более мягким;
- освобождение от наказания по болезни и др.

По сути, речь идёт не о единой стадии, а о множестве фрагментарных «микропроизводств», каждое из которых имеет свою усечённую, но внутренне целостную собственную «стадийность» (иницирование — рассмотрение — решение).

В связи с этим, представляется обоснованным говорить не о стадии исполнения приговора, а о комплексе судебных процедур с усечённой стадийностью, поскольку в большинстве таких процедур:

- отсутствует полноценный подготовительный этап в классическом понимании, действия суда носят оперативный и локальный характер (например, проверка поступивших материалов и назначение заседания);
- фактическая основа уже установлена приговором, поэтому исследование доказательств ограничено выявлением новых юридически значимых обстоятельств (например, поведения осуждённого при условно-досрочном освобождении или медицинского состояния при освобождении по болезни);
- инициатива рассмотрения исходит от различных субъектов (осуждённый, администрация учреждения, орган исполнения наказания, прокурор), что разрушает единый «процессуальный сценарий» стадии.

Таким образом, каждая отдельная процедура после вступления приговора в силу воспроизводит лишь минимально необходимый набор стадийных элементов (иницирование, рассмотрение, решение), но не формирует совместно с другими процедурами единую стадию в классическом доктринальном смысле.

Концепция особого производства: традиционный и альтернативные подходы

Наряду с традиционным взглядом на исполнение приговора как на самостоятельную стадию уголовного процесса в доктрине сформировались альтернативные концепции, заслуживающие самостоятельного анализа. Традиционный подход, нашедший отражение в большинстве учебников и комментариев к УПК РФ, исходит из того, что постприговорная деятельность суда представляет собой завершающую стадию единого уголовного судопроизводства, подчинённую принципам неотвратимости и индивидуализации наказания. Данная позиция опирается на системное толкование раздела XIV УПК РФ, объединяющего гл. 46 («Обращение к исполнению приговоров, определений и постановлений») и гл. 47 («Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора»), и традиционно обосновывает их процессуальное единство. Вместе с тем само законодательное решение разместить в одном разделе различные по природе блоки деятельности свидетельствует скорее о редакционной условности, нежели о доктринально выверенной конструкции.

Принципиально иную позицию занимают те исследователи, которые квалифицируют постприговорную деятельность как особое производство, осуществляемое вне рамок конкретного уголовного дела и обладающее собственным предметом доказывания. В рамках данного подхода подчёркивается, что уголовное дело как процессуальный объект завершается вступлением приговора в законную силу: с этого момента производство ведётся уже не «по делу», а «по вопросам, связанным с исполнением приговора», что принципиально меняет и субъектный состав, и предмет судебного рассмотрения. Предметом доказывания в каждой из постприговорных процедур выступают не обстоятельства совершённого преступления (они уже установлены вступившим в силу приговором и пользуются преюдициальной силой согласно ст. 90 УПК РФ), а новые юридически значимые факты постпенитенциарного характера: поведение осуждённого в период отбывания наказания, состояние его здоровья, степень исправления и иные обстоятельства, возникшие после вынесения приговора. Именно это обстоятельство (качественно иной предмет доказывания) подчеркивает несводимость постприговорных процедур к единой стадии: каждая из них формирует собственную доказательственную базу, не связанную с материалами уголовного дела.

Позиция Верховного Суда РФ и её значение для оценки природы постприговорных процедур

Существенный ориентир для доктринальной дискуссии задаёт судебная практика, прежде всего разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [1]. Указанный документ косвенно подтверждает тезис об отсутствии у постприговорных процедур внутреннего единства: сам Пленум был вынужден регулировать крайне разнородный круг вопросов — от порядка обращения приговора к исполнению и разъяснения его сомнений и неясностей (п. 23) до замены наказания, условно-досрочного освобождения и заключения под стражу осуждённого, уклоняющегося от отбывания наказания. Спектр охватываемых вопросов сам по себе демонстрирует разнородность регулируемых отношений.

Принципиально важным является разъяснение п. 2 Постановления, в соответствии с которым «рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия в открытом судебном заседании...». Тем самым Верховный Суд РФ фактически признал процессуальную самостоятельность каждого такого судебного заседания, не связав его с единым производством по уголовному делу. Примечательно, что п. 1 Постановления специально обращает внимание судов на необходимость опираться не только на нормы УПК РФ и УК РФ, но и на положения УИК РФ и иных нормативных правовых актов, что само по себе означает признание межотраслевого, а не сугубо процессуального характера регулируемой деятельности. Многократные изменения Постановления свидетельствуют о том, что законодатель и правоприменитель столкнулись с необходимостью последовательно дорабатывать регулирование каждой отдельной процедуры, что дополнительно подтверждает их самостоятельный, а не стадийно единый характер. Таким образом, разъяснения Верховного Суда РФ не создают концептуального единства постприговорной деятельности, а лишь обеспечивают единообразие правоприменения в рамках множества автономных судебных процедур, что в полной мере согласуется с предлагаемой концепцией усечённой стадийности.

Разграничение уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования

Дополнительным аргументом в пользу отказа от восприятия исполнения приговора как единой стадии является необходимость чёткого разграничения судебной процессуальной деятельности по обращению приговора к

исполнению и разрешению возникающих вопросов и деятельности органов и учреждений по фактическому исполнению наказания, регулируемой уголовно-исполнительным правом. А. В. Кудрявцева и А. В. Лаков со ссылкой на позицию В. В. Николюка, анализируя содержание «приведения приговора в исполнение» в прежнем и действующем законодательстве, подчеркивает, что под этим термином в разные периоды понимались как действия суда, так и фактическое отбывание наказания осуждённым [6]. Объединение столь различных по правовой природе блоков в одну стадию уголовного процесса методологически сомнительно и ведёт к размыванию границ между уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельностью.

Так, анализ работ В. В. Николюка об «обращении приговора к исполнению» и «приведении приговора в исполнение» показывает многослойный характер послеприговорной деятельности и подкрепляет тезис о её процедурной, а не стадийной целостности [8]. Рассматривая правовую конструкцию «приведение приговора в исполнение», В. В. Николюк отмечает, что ещё на уровне УПК РСФСР терминологически в одном блоке объединялись как процессуальные решения суда, так и действия учреждений и органов, связанных с фактическим началом и дальнейшим отбыванием наказания осуждённым, то есть отношения, по существу выходящие за пределы уголовно-процессуального регулирования [8]. Исследователь показывает, что именно эта внутренняя неоднородность и нормативная непоследовательность привели к отказу законодателя от соответствующей конструкции в УПК РФ и УИК РФ, где термин более не используется, а его остаточное присутствие на подзаконном уровне носит технический и устаревший характер.

Указывая на превращение конструкции «приведение приговора в исполнение» в «правовой фантом», В. В. Николюк тем самым констатирует невозможность описания совокупности так называемых послеприговорных отношений как единой, структурно завершённой стадии уголовного процесса. По сути, в его интерпретации речь идёт о разнородных правовых режимах: с одной стороны — о процессуальной деятельности суда по обращению приговора к исполнению и разрешению отдельных вопросов, возникающих при исполнении судебного решения, с другой — о пенитенциарной деятельности органов исполнения наказаний, регулируемой уголовно-исполнительным правом.

Такая постановка вопроса объективно поддерживает предлагаемую концепцию: так называемая «стадия исполнения приговора» не обладает признаками классической стадии уголовного процесса, а фактически расчленяется на совокупность самостоятельных судебных производств и процедур с усечённой стадийностью, существующих параллельно и во взаимодействии с уголовно-исполнительной деятельностью, но не образующих единого, внутренне однородного этапа судопроизводства. Переосмысление статуса исполнения приговора в системе уголовного процесса позволяет более последовательно разграничить уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное правовое регулирование и служит методологической основой для дальнейшей детализации отдельных судебных процедур, возникающих после вступления приговора в законную силу.

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что «стадия исполнения приговора» в её традиционном доктринальном понимании не отвечает классическим признакам стадии уголовного процесса. Анализ постприговорной судебной деятельности обнаруживает отсутствие однородных целей и задач, единого логически завершённого процессуального цикла и устойчивого состава участников — то есть именно тех системообразующих признаков, которые конституируют стадию как самостоятельный элемент уголовного судопроизводства. После вступления приговора в законную силу реализуется не единая стадия, а комплекс разнородных судебных процедур, каждая из которых обладает усечённой, но внутренне завершённой стадийностью. Множественность самостоятельных мини-производств, различающихся по основаниям возбуждения, кругу заявителей, объёму судебного усмотрения и содержанию итогового акта, исключает возможность их объединения в рамках единой стадии. Предложенное переосмысление правовой природы постприговорной деятельности создаёт методологическую основу для чёткого разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования и открывает перспективы для дальнейшей детализации процессуального статуса участников каждой из указанных процедур.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Чебоньян Т.Г., Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону
Российская Федерация, Херсонский технический университет, Херсон
Российская Федерация, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону
Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.111.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Chebonyan T.G., Lebedev Russian State University of Justice, Rostov-on-Don Russian Federation, Kherson Technical University, Kherson Russian Federation, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.111.1>

Список литературы / References

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета. — 2011. — № 296. — 30 декабря.

2. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Журнал российского права. — 2006. — № 7(115). — С. 53–67.
3. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : учебное пособие / А.А. Давлетов. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. — 347 с.
4. Ивенский А.И. О коррекции стереотипов в темпоральных и исполнительных характеристиках начала стадии исполнения приговора / А.И. Ивенский // Вестник Самарского юридического института. — 2025. — № 1(62). — С. 21–28.
5. Ивенский А.И. О специфике статуса суда и реализации принципов уголовного процесса в стадии исполнения приговора / А.И. Ивенский, Ю.И. Ивенская // Вестник Самарского юридического института. — 2024. — № 2(58). — С. 56–62.
6. Кудрявцева А.В. Глава 26. Исполнение приговора и иных судебных решений / А.В. Кудрявцева, А.В. Лаков // Актуальные проблемы уголовного процесса : учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД России. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. — С. 735–749.
7. Lupinskaja P.A. Уголовно-процессуальное право : учебник / П.А. Лупинская. — Москва: Юристъ, 2009. — 1072 с.
8. Николук В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21: все ли разъяснения даны? / В.В. Николук // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 2. — С. 71–74.
9. Новиков Е.Е. Уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения, функционирующие на первоначальном этапе исполнения и отбывания уголовных наказаний / Е.Е. Новиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2024. — Т. 15, № 1. — С. 87–104.
10. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора : учебное пособие / Л.А. Пупышева. — Омск: Омская академия МВД России, 2021. — 150 с.
11. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. — Москва: Юрлитинформ, 2001. — 206 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.12.2011 № 21 (red. ot 25.06.2024) «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of 20.12.2011 (as amended on 25.06.2024) "On the practice of application by courts of legislation on the execution of a sentence"] // Rossijskaja gazeta [Russian Gazette]. — 2011. — № 296. — 30 December. [in Russian]
2. Bykov V.M. Problemy stadii vzbuzhdenija ugolovnogogo dela [Problems of the stage of initiation of a criminal case] / V.M. Bykov // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. — 2006. — № 7(115). — P. 53–67. [in Russian]
3. Davletov A.A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossijskoj Federacii [Criminal procedure of the Russian Federation] : textbook / A.A. Davletov. — Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2022. — 347 p. [in Russian]
4. Ivenskij A.I. O korekcii stereotipov v temporal'nyh i jeksekucionnyh harakteristikah nachala stadii ispolnenija prigovora [On correction of stereotypes in temporal and executive characteristics of the beginning of the sentence execution stage] / A.I. Ivenskij // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta [Bulletin of Samara Law Institute]. — 2025. — № 1(62). — P. 21–28. [in Russian]
5. Ivenskij A.I. O specifike statusa suda i realizacii principov ugolovnogogo processa v stadii ispolnenija prigovora [On the specifics of the status of the court and the implementation of criminal procedure principles at the stage of sentence execution] / A.I. Ivenskij, Ju.I. Ivenskaja // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta [Bulletin of Samara Law Institute]. — 2024. — № 2(58). — P. 56–62. [in Russian]
6. Kudrjavceva A.V. Glava 26. Ispolnenie prigovora i inyh sudebnyh reshenij [Chapter 26. Execution of sentence and other judicial decisions] / A.V. Kudrjavceva, A.V. Lakov // Aktual'nye problemy ugolovnogogo processa [Current problems of criminal procedure] : textbook for adjuncts and master's students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia system. — Saint-Petersburg: 'Asterion' Centre for Scientific and Information Technologies, 2022. — P. 735–749. [in Russian]
7. Lupinskaja P.A. Ugolovno-processual'noe pravo [Criminal procedure law] : textbook / P.A. Lupinskaja. — Moscow: Jurist, 2009. — 1072 p. [in Russian]
8. Nikoljuk V.V. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20 dekabrja 2011 g. № 21: vse li raz#jasnenija dany? [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 21: are all clarifications given?] / V.V. Nikoljuk // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2012. — № 2. — P. 71–74. [in Russian]
9. Novikov E.E. Ugolovno-processual'nye i ugolovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya, funkcionirujushhie na pervonachal'nom etape ispolnenija i otybyvanija ugolovnyh nakazanij [Criminal procedure and penal enforcement legal relations functioning at the initial stage of execution and serving of criminal sentences] / E.E. Novikov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of Saint Petersburg University. Law]. — 2024. — Vol. 15, № 1. — P. 87–104. [in Russian]
10. Pupyshva L.A. Proizvodstvo po rassmotreniju i razresheniju voprosov, svjazannyh s ispolneniem prigovora [Proceedings for consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence] : textbook / L.A. Pupyshva. — Omsk: Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2021. — 150 p. [in Russian]

11. Shejfer S.A. Sledstvennye dejstvija. Sistema i processual'naja forma [Investigative actions. System and procedural form] / S.A. Shejfer. — Moscow: Jurlitinform, 2001. — 206 p. [in Russian]